

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1871 г.

ТОМЪ III.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. Головина, Владимірская, д. № 15.

1871.

МОЯ БОЕВАЯ ЖИЗНЬ.

(Записки Войска Донскаго генералъ-лейтенанта Якова Петра Вилкина, написанныя собственною его рукою).

I.

Я родился въ 1809 году отъ бѣдныхъ родителей, былъ единственнымъ сыномъ. Отецъ мой поступилъ на службу казакомъ, дослужился до чина полковника; онъ постоянно находился въ полку, поэтому не могъ заботиться о моемъ воспитаніи. Мать женщина простая, безъ средствъ, мало думала объ обученіи меня грамотѣ, но родная моя бабуа въ одинъ день объявила мнѣ, что я долженъ поступить учиться грамотѣ къ Кудиновнѣ, — грамотная старуха, принимавшая дѣтей къ себѣ въ школу.

У ней, года два, по церковной азбучѣ, зубрилъ азъ-ангелъ-ангельскій, архангелъ-архангельскій, отъ нея переведенъ къ приходскому пономарю: училъ наизусть «Часовникъ», затѣмъ переведенъ къ дячку, гдѣ проходилъ псалтырь.

Въ 1816 году отецъ, въ чинѣ есаула, возвратился изъ отечественной войны, а въ 1817 году наряженъ въ Бессарабію въ полкъ Горбикова; взялъ и меня съ собой.

По прибытіи на мѣсто служенія, я былъ порученъ для дальнѣйшей науки грамотѣ сотенному писарю; чрезъ годъ перешелъ къ полковому писарю.

Въ 1823 года полкъ отпущенъ на Донъ.

Съ 1823-го по 1825 г. жилъ въ домѣ, занимался въ хозяйствѣ, пахалъ землю, возилъ сѣно и пасъ домашнихъ животныхъ, а о грамотѣ моей не было рѣчи. Отецъ, самъ мало грамотный, не считъ нужнымъ провѣрить мои знанія, а былъ убѣжденъ, что сынъ, пройдя такіа знаменитыя заведенія, подѣ ру-

ководствомъ вышесказанныхъ знахарей, былъ дока читать и писать. На дѣлѣ-жъ выходило иначе: я не могъ подписать своей фамиліи, а книги читалъ съ величайшимъ трудомъ, что вышло оттого, что мои наставники-писаря мало занимались мною, а у меня не было охоты къ ученью, и я по цѣлымъ днямъ и ночамъ вертѣлся въ казармахъ среди казаковъ, съ жадностью слушалъ рассказы объ отвагахъ предковъ нашихъ по Азовскому и Черному морю, объ Азовскомъ сидѣннѣ, и о разныхъ эпизодахъ въ послѣдующія войны новыми поколѣніями оказанныхъ, и подъ эту гармонію нерѣдко засыпалъ сладкимъ сномъ.

Въ 1825 году отецъ, въ полку Попова, командированъ въ Крымъ; взялъ меня съ собой съ зачисленіемъ въ комплектъ полка. Будучи произведенъ въ урядники, при доставшейся очереди, во время похода, дежурить по сотнѣ, слѣдовало мнѣ при утреннемъ рапортѣ писать рапортички и подписывать ихъ, но я не могъ исполнять ни того, ни другаго. Эта неожиданная моя безграмотность сильно поразила отца.

По прибытіи въ Крымъ, онъ первымъ долгомъ счелъ отправиться въ городъ Феодосію, гдѣ было уѣздное училище, и бывшему смотрителю этого заведенія, Фёдору Филипповичу Бурдунову, отдалъ меня пообучиться за условленную цѣну. Благодаря этому честнѣйшему человѣку, въ продолженіе года бытности моей у него, прошелъ я всю премудрость, которой обучаютъ въ уѣздномъ училищѣ и былъ первымъ изъ учениковъ; быть можетъ я бы долго пробылъ у Бурдунова, но мать, оставшаяся одна въ домѣ, въ письмахъ своихъ настоятельно требовала, чтобъ отецъ мой приѣхалъ со мною въ отпускъ и женилъ бы меня.

Отецъ исполнилъ ея просьбу, а вмѣстѣ съ женитьбой прекратилось дальнѣйшее мое ученье.

II.

Въ 1828 году открылась турецкая война. Полкъ нашъ, по распоряженію начальства, двинуть въ Европейскую Турцію. Предъ выступленіемъ въ походъ, бывший Новороссійской генералъ-губернаторъ, князь Воронцовъ, приѣхалъ въ Крымъ; онъ потребовалъ отъ полка офицера, для посылокъ съ депешами къ великому князю Михаилу Павловичу въ Браиловъ. Отецъ, за смер-

тію командира полка, принялъ его въ командованіе, а же былъ въ полку томъ офицеромъ.

Въ командировку эту назначили меня.

Получивши все нужное къ отправленію, чрезъ Молдавію и Валахію, прибылъ въ Брайловъ; сдавши депеши, дней десять ожидалъ приказанія возвратиться къ полку.

Въ одинъ день, передъ вечеромъ, слышу вызываютъ охотниковъ идти на штурмъ. Не разсуждая, какія могутъ быть послѣдствія, я заявилъ себя желающимъ быть въ средѣ ихъ. Въ полночь весь отрядъ охотниковъ, поддерживаемый густыми колоннами пѣхоты, двинулся впередъ; на разсвѣтъ тихо подошли мы къ главной батарее и съ крикомъ «ура» бросились на штурмъ... Что далѣе происходило, сказать не могу по слѣдующей причинѣ: когда мы прибѣжали ко рву, насъ подняло на воздухъ; многіе были засыпаны землею, нѣкоторыхъ отнесло отъ батареи, а мнѣ, кажется, пришлось нѣсколько саженой летѣть по воздуху, какъ птицѣ пернатой.

На другой день я пришелъ въ себя, лежа въ палаткѣ между ранеными.

Штурмъ былъ неудаченъ; потери громадны. Чрезъ пять дней меня выписали изъ госпиталя, какъ выздоровѣвшаго, и я получилъ приказаніе отправиться къ полку, шедшему на мѣстечко Рійны, при впаденіи рѣки Прута въ Дунай. Дождавшись тамъ полка, я первымъ долгомъ счелъ разсказать мою отвагу отцу въ чаяніи получить похвалу; но, увы! вмѣсто похвалъ, отецъ отдубасилъ меня нагайкой, приговаривая: «не суйся въ омутъ, когда отдаленъ отъ своей части, а съ ней иди въ огонь и въ воду.»

Полкъ перешелъ Дунай въ Исакахъ; 22 октября 1828 г. прибылъ къ крѣпости Костенжи; занялъ отъ нея наблюдательную линію по Троянову валу къ Черноводамъ, выше Гирсова на Дунаѣ; здѣсь оставался въ продолженіи зимы потому, что войска наши, бывшія подъ Шумлой и Силистріей, возвращались на зиму въ Молдавію и Валахію, оставивъ сильныя гарнизоны въ занятыхъ нами крѣпостяхъ.

Зима была весьма сурова, а потому прошла мирно. Съ открытіемъ весны 1829 г. войска, зимовавшія по лѣвую сторону Дуная, двинулись подъ Шумлу и Силистрію. Полкъ нашъ присоединился къ главнымъ силамъ шедшимъ къ Шумлѣ и въ про-

долженія всего года участвовалъ во многихъ сраженіяхъ; при этомъ могу упомянуть о слѣдующемъ случаѣ, лично до меня относящемся. Въ іюлѣ мѣсяцѣ армія изъ-подъ Шумли двинулась чрезъ Балканы. 7-го числа, въ числѣ охотниковъ, бросился я вплавь на лошади, чрезъ рѣку Камчикъ. Ширина ея не превышаетъ десяти сажень; подъ картечными выстрѣлами двѣнадцати турецкихъ орудій, стоявшихъ по правую сторону рѣки, мы бросились въ воду; многіе охотники были убиты и утонули, но $\frac{4}{3}$ -хъ, въ количествѣ 2 т., переправились благополучно, сбили турокъ съ позицій и тѣмъ-дали возможность двинуться нашимъ колоннамъ на переправу.

За такую отвагу я отъ отца получилъ поощрительную награду: нѣсколько нагаекъ въ спину, будто-бы за то, что я позволилъ себѣ пуститься на вороной лошади — а не на бѣлой, эта-де была сильнѣй и надежнѣй, а съ вороною могъ-де я утонуть; на дѣлѣ-же выходило вотъ-что: отцу не хотѣлось, чтобъ я очертя голову бросался во всѣ нелегкія. Понявши наконецъ его и дорожа моею спиной, болѣе не позволялъ себѣ ни на какія отваги.

Отъ Камчика двинулись впередъ. Перейдя Балканы, 11 іюля 1829 года заняли съ бою города Мисеврію и Ахіоль. 12 іюля, полкъ отца посланъ на рекогносцировку къ укрѣпленному городу Бургасу; вблизи его полкъ встрѣченъ былъ турецкою кавалерію въ 700 человекъ, вступилъ съ нею въ бой, опровернулъ ее и вмѣстѣ съ ней ворвался въ городъ; вытѣснилъ гарнизонъ, завладѣлъ городомъ съ незначительною потерей: трофеи состояли изъ нѣсколькихъ крѣпостныхъ орудій и мортиръ. За таковую отвагу отецъ получилъ Георгія 4 степени, подо мной убита лошадь и я послѣднимъ вошелъ въ крѣпость.

8-го августа армія, безъ боя, заняла второй столичный турецкій городъ Адрианополь, а по заключеніи мира, 8 января 1830 года, полкъ выступилъ на зимовья квартиры въ Румилію. 21 апрѣля — выступилъ въ походъ въ Бессарабскую область, для занятія пограничной стражи по рѣкѣ Пруту. 14 августа 1831 г. полкъ отпущенъ на Донъ.

Съ 1831 по 1834 годъ, я жилъ въ домѣ.

III.

Весной 1834 года, командированъ на правый флангъ кавказской линіи, въ полкъ Жирова, гдѣ находился до выступле-

ня его въ 1837 году на Донъ. Въ бытность на Кавказѣ, я участвовалъ во многихъ дѣлахъ съ горцами; особнхъ отличій съ моей стороны, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ наградъ, не было, кромѣ развѣ слѣдующаго: налѣзъ былъ расположенъ по рѣкѣ Кубани; весной 1836 г., по распоряженію начальника кубанской линіи генералъ-маіора Засса, полкъ двинуть въ полномъ составѣ за Кубань, на рѣку Чамлыкъ. Придя на мѣсто, начали строить укрѣпленіе; чрезъ мѣсяцъ оно было готово. Полкъ расположился въ немъ. Во время постройки ея лошади паслись надъ рѣкой, надъ прикрытіемъ одной сотни; горцы, видѣли эту охлонность и вознамѣрились, во что бы ни стало, отбить весь табунъ у прикрывающей сотни; для того собралось горцевъ болѣе 360 человекъ, самыхъ отборныхъ наѣздниковъ изъ князей и удедей. Въ ночь, ночь 4 іюля эта ватага, переправившись чрезъ рѣку Лабу, скрытно перейдя на Чамлыкъ, остановилась ниже крѣпости въ полуторѣ верстѣ въ лѣсу, съ такимъ намѣреніемъ, когда выпустятся на пастбу лошади, гнѣнуть изъ засады и угнать всю добычу безнаказанно, потому, что преслѣдовать ихъ было не кому. Полкъ оставался, по ихъ расчету, весь пѣшій, кромѣ прикрывающей вонной сотни; но они горько ошиблись: вмѣстѣ со вступленіемъ полка въ крѣпость, лошади болѣе на пастбу не выпускались.

По зареженному порядку, дежурные по полку сотенные командиры съ восходомъ солнца должны были высылать разъѣзды вверхъ и внизъ рѣки версты на три, и если, по осмотрѣ мѣстности, ничего сомнительнаго не окажется, начальники разъѣздовъ оставляли на условленныхъ мѣстахъ пикеты, а съ остальными людьми возвращались въ крѣпость. 4-го числа я былъ дежурнымъ; сотня моя имѣла лошадей осѣдланныхъ, люди въ амуниціи. Солнце взошло. Разъѣзды посланы. Выйдя на батарею, я слѣдилъ за ними; посланный внизъ, перейдя ручей Грязнушку, поднялся на высоту, спустился къ Чамлыку; за лѣсомъ мнѣ нельзя было видѣть, какая катастрофа происходитъ съ разъѣдомъ; чрезъ четверть часа показался слѣдующій всадникъ, оставшійся въ живыхъ изъ пятнадцати разъѣздныхъ: остальные 14 побиты. За нимъ громадная вереница кавалеріи. Я тотчасъ приказалъ моей сотнѣ сѣсть на коней и выступилъ на встрѣчу горцамъ; за полъ версты отъ крѣпости втрѣтился съ ними, но въ бой не всту-

пиль, считая себя слишкомъ слабымъ, по численности людей: въ сотнѣ было не болѣе ста человекъ, а потому я отступилъ къ стѣнамъ крѣпости, ожидая выстушенія полка. Горцы, видя свою неудачу, повернулись и шагомъ пошли обратно. Въ крѣпости была страшная неурядица: всѣ бѣжали взадъ и впередъ, не находя что дѣлать. — Является ко мнѣ полковой адъютантъ, передаетъ приказаніе идти за партією; я двинулся по слѣдамъ ея, но на благородной дистанціи, выбирая на каждомъ шагу выгодную позицію, чтобъ въ случаѣ нападенія спѣшиться, стать въ оборонительное положеніе, — эта спасительная метода принята на всемъ Кавказѣ. Горцы перешли Чамлыкъ, двинулись къ Лабѣ: — между этими рѣками, верстъ на 25, лѣсу нѣтъ, чистое поле, — и въ виду крѣпости бросились на меня въ пашки; бывши готовою къ такому случаю, сотня спѣшилась, встрѣтила горцевъ батальнымъ огнемъ; болѣе полу-часа я выдерживалъ атаку: убитыхъ и раненыхъ у меня не было; люди сохранили духъ твердости, горцы-жъ оставили 20 тѣлъ. Партія отступила. Пошелъ и я за ней на почтительной дистанціи. Пропшелъ версту; крѣпости мнѣ болѣе не было видно. На пространствѣ десяти верстъ я выдержалъ двѣнадцать атакъ: у меня вышло изъ строя до 20 человекъ.

Послѣ седьмой атаки я послалъ урядника Никредина къ командиру полка просить подкрѣпленія и сказать, что въ сотнѣ нѣтъ патроновъ.

Послѣ десятой атаки является Никрединъ, передаетъ въ полголоса отвѣтъ командира: «скажи головорѣзу, если у него нѣтъ патроновъ, то есть пики, а на меня пусть не надѣется».

На вопросъ мой далеко-ли полкъ отъ насъ? Отвѣтъ: «еще, ваше благородіе, изъ крѣпости не выступалъ».

Я былъ пораженъ такою вѣстью. Дождь насталъ проливной. Послѣдовала одиннадцатая атака. Послѣ первыхъ выстрѣловъ ружья замолкли, минута настала критическая; къ счастью атака продолжалась минутъ пять. Партія отступила. Послѣдовалъ и я за ней. Подозвавъ къ себѣ субалтернъ-офицера Полякова*), высказалъ ему наше положеніе, прибавивъ, что какъ у меня, такъ и у него кони добрые и мы могли бы ускорять, но въ такомъ случаѣ

*) Впослѣдствіи убитъ.

на жертву останутся меньшіе братья, а потому: даетъ ли онъ мнѣ честное слово умереть совместно съ братію со славою; не видя сраму?

Отвѣтъ: «хочу умереть честно, а сраму не желаю пережить»?

Поблагодаривши его, я передалъ слѣдующее мое распоряженіе: горцы еще атакуютъ насъ и, если встрѣтятъ нашу стойкость, тотчасъ отступятъ; нужно пользоваться моментомъ: «слушай, вторая полусотня остается въ твоёмъ распоряженіи, съ первою — я брошусь въ пики и, если ты увидишь, что горцы будутъ хоть немного потѣснены, ту-жъ минуту поддержи своими пиками; но если перевернуть меня, успѣвай, въ пѣшемъ строю, стать въ оборонительное положеніе; примкну и я къ тебѣ, и будемъ рубиться на мѣстѣ пока живы». Я не ошибся. Послѣдовала двѣнадцатая атака. Встрѣтивъ непоколебимое сопротивление, горцы повернули отъ насъ, пошли шагомъ. Сотня съѣла на коней. Вдали гремѣлъ громъ и звукъ его много походилъ на гулъ орудіеыхъ колесъ. Я обратился къ сотнѣ съ слѣдующими словами: «товарищи! слышите гулъ орудіеыхъ колесъ? Это полкъ спѣшитъ къ намъ; горцы безсильны; ружья и пистолеты ихъ также замокшіе, какъ и ваши; нагрянетъ полкъ и передунитъ ихъ какъ цыплятъ; но это бы ничего, а всю славу припишетъ себѣ. Вы-жъ цѣлый день выставляли вашу могучую грудь и остаетесь не причемъ! Станичники! не допустимъ ихъ воспользоваться нашими трудами. Пики на перевѣсъ! съ Богомъ! впередъ!»

Первая полусотня врѣзалась въ средину; каждый казакъ пронзилъ пикой свою жертву. Эта неожиданная наша смѣлая выходка — поразила горцевъ; вмѣсто того, чтобы отразить насъ, никто не схватился за пашку. Поляковъ не потерялъ момента: съ своею полусотнею подкрѣпилъ меня. Опрокинутые горцы въ беспорядкѣ бросились бѣжать; на пространствѣ 15 верстъ, мы преслѣдовали ихъ до рѣки Лабы. Осталось до 300 тѣлъ, ушло не болѣе 60 человекъ *).

Возвращаясь къ полку, я забралъ разсыпанныхъ въ полѣ лошадей, а съ убитыхъ снялъ оружіе; въ цѣльнѣ никто изъ горцевъ не былъ взятъ потому, что трудно было требовать отъ казаковъ, людей разъяренныхъ, какъ львы, пощады врагамъ.

*) Дѣло это до сихъ поръ памятно на правомъ флангѣ кавказской линіи линейныхъ казачьихъ станицахъ.

Подойдя къ крѣпости, верстъ за-пять встрѣтилъ идущій къ намъ полкъ при двухъ полевыхъ орудіяхъ. Что за причина была со стороны командира полка бросить меня съ сотнею на погибель — разъяснить не умѣю.

За это дѣло я получилъ Владимира 4-й степени; Поляковъ — Анну 3-й степени.

IV.

Въ промежутки 1837 г. по 1845-й годъ находился я въ учебномъ полку въ Новочеркасскѣ, и три года въ Польшѣ, въ полку Радіонева. Въ 1845 году, вѣстрѣнно командированъ на лѣвый флангъ кавказской линіи въ полкъ Шрамкова, отъ котораго, по личному приказанію намѣстника кавказскаго князя Михаила Семеновича Воронцова, принялъ въ командованіе № 20-го полкъ, бывшій майоромъ. Штабъ полка былъ въ укрѣпленіи Куринскомъ. Въ 1850 г. полкъ спущенъ на Донъ, а-жъ, по ходатайству Воронцова, остался на Кавказѣ, принялъ въ командованіе № 17-го полкъ, пришедшій на смѣну № 20-го.

Командовалъ 17-мъ полкомъ по 1853 годъ, и передалъ его подполковнику Полякову *); самъ же я получилъ назначеніе быть начальникомъ всей кавалеріи лѣваго фланга, почему перешелъ въ крѣпость Грозную.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1855 г., по распоряженію главнокомандующаго Муравьева, потребованъ въ Турцію, подъ Карсъ. Подробное описаніе участія моего въ осадѣ Карса, равно въ штурмъ его, напечатано въ «Русской Старинѣ» 1870 г. т. II, стр. 567—610.

О службѣ и дѣлахъ на лѣвомъ флангѣ, какъ многочисленныхъ, останавливаюсь описаніемъ, а укажу на нѣкоторые случаи, болѣе любопытные. Съ 1845 г. по 1853-й г. я съ полкомъ моимъ отбилъ у горцевъ до 12-ти рогатаго скота и до 40-ти овецъ; ни одна партія, снускавшаяся съ горъ на Кумыцкую плоскость, не возвращалась безнаказанно, а всегда была уничтожаема и рѣдкому изъ среди нихъ удавалось возвращаться по добру — по здорову. Имѣя вѣрнѣйшихъ лазутчиковъ и зная имъ хорошія деньги, я всегда былъ во-время предупреждаемъ о движеніи горцевъ; нападалъ съ моимъ полкомъ и уничтожалъ такъ, что

*) Однофамилецъ съ бывшимъ моимъ субалтернъ-офицеромъ въ полку Жирова. А. В.

горцы въ исходу 1853 г. прекратили свои налеты въ наши предѣлы. Горцы называли меня — дѣджаломъ, въ переводѣ на русскій языкъ дьяволъ, или отступникъ отъ Бога.

Въ декабрѣ 1851-го года бывшій начальникъ лѣваго фланга, князь Барятинскій вызвалъ меня въ Грозную, гдѣ я получилъ отъ него приказаніе, съ января мѣсяца приступить къ окончанію начатой просьбы отъ укрѣпленія Куринскаго къ рѣкѣ Мичуку, и во что бы то ни стало перейти ее и очистить лѣсъ по лѣвую сторону, насколько будетъ возможно. При этомъ я долженъ торопиться въ приведеніи въ исполненіе этихъ задачъ потому, что онъ, кн. Барятинскій, выступитъ изъ Грозной на Шалинскую поляну, займется продолженіемъ просьбы къ Автурамъ, отколы двинется чрезъ Большую Чечню, Маіоръ-Тупъ въ Куринскъ, и о боевомъ движеніи заблаговременно дастъ мнѣ знать съ тѣмъ, чтобы я съ моими силами вышелъ на встрѣчу.

5-го января 1852 г. я сосредоточилъ изъ крѣпостей Кумыкской плоскости три баталіона пѣхоты: мой № 17 полкъ, сборный казачій линейный и восемь полевыхъ орудій; приступилъ къ рубкѣ лѣса; въ теченіе мѣсяца дошелъ до Мичука и послѣ боя, продолжавшагося два часа, переправился на лѣвую сторону; очистивъ въ 16-му февралю 1852 г. лѣсъ отъ берега на 100, а по рѣкѣ на 300 сажень, 17-го числа отпустилъ войска по крѣпостямъ на четыре дня для отдыха, а въ полдень того-жъ дня съ башни, стоящей отъ укрѣпленія на версту, далъ мнѣ знать: за Мичукомъ, по направленію къ Автурамъ, — слышны не только пушечные выстрѣлы, но даже батальный ружейный огонь. Взявъ четыре сотни моего полка, по просьбѣ выѣхалъ на Кочюлымовскій хребетъ, оттоль услышалъ въ Маіоръ-Тупѣ сильную перестрѣлку. Я понялъ, что Барятинскій идетъ въ Куринскъ, а какъ Маіоръ-Тупъ отъ Куринска въ 15 верстахъ, то навѣрное ночью получу съ лазутчикомъ записку выступить на соединеніе. Въ этотъ моментъ, по роспускѣ войскъ, у меня осталось три роты пѣхоты, четыре сотни казаковъ и одно орудіе, а поэтому съ высотъ тѣхъ я написалъ записку карандашемъ, въ укрѣпленіе Герзель-Аулъ, въ 15 верстахъ, къ полковнику Ктиторову: оставить въ крѣпости одну роту, а съ двумя при орудіи, выступить ко мнѣ; другую записку отправилъ на постъ Караганскій въ 17 верстахъ; изъ него потребовалъ двѣ сотни казаковъ.

Каждая записка вручена тремъ казакамъ на добрыхъ коняхъ, испытанныхъ въ отвагахъ, съ приказаніемъ доставить, по принадлежности, во что бы ни стало.

Требуемая части прибыли къ полуночи. Вслѣдъ за ними явился отъ Бяратинскаго лазутчикъ съ запиской; сказано въ ней: съ разсвѣтомъ стать между рѣками Мичукомъ и другой рѣкой, и ожидать его отряда. Минуть чрезъ десять явился мой лазутчикъ и сообщилъ, что Шамиль со всѣмъ своимъ скопищемъ, до 25,000, сталъ за Мичукомъ, противу моей просьбѣ, и усилилъ сторожевую цѣпь. Имамъ былъ убѣжденъ, что я выступлю на соединеніе съ отрядомъ, и онъ въ время успѣетъ воспрепятствовать моему движенію.

Мѣстный наибъ съ почетными стариками,—какъ я узналъ о томъ чрезъ лазутчика моего—явились къ Шамилю съ слѣдующими словами: «Имамъ! напрасно сторожишь старую лисицу на этомъ пути; она не такъ глупа, какъ ты думаешь о ней; она не полѣзетъ тебѣ въ ротъ, а обойдетъ такими путями, гдѣ трудно пролѣзть и мыши!» Но Шамиль отвергнулъ ихъ совѣты, и не принялъ никакихъ предосторожностей въ боковыхъ путяхъ.

Въ два часа ночи, съ четырьмя ротами, шестью сотнями казаковъ, при двухъ орудіяхъ, двинулся я чрезъ Кочколыковскій хребетъ гораздо правѣй просьбѣ, безъ дороги, по дремучему лѣсу, такъ что орудія и зарядные ящики чрезъ пни и колоды переносились на рукахъ. Преодоливъ всѣ препятствія, съ восходомъ солнца сталъ на указанномъ мѣстѣ; соединясь съ отрядомъ, съ полкомъ моимъ пошелъ въ авангардъ. Поддерживаемый четырьмя баталіонами и восемью орудіями, съ бою овладѣлъ завалами. Расположась въ нихъ, пропустилъ весь отрядъ, послѣднимъ отступилъ чрезъ Мичукъ, и только къ полночи пришелъ въ Куринскъ.

За занятіе заваловъ я награжденъ Георгіемъ 4-й степени; но эта награда куплена цѣною потока крови моихъ братій; изъ полка моего вышло убитыми: храбрѣйшій майоръ Банниковъ, до 70 казаковъ, ранено два офицера и до 50 казаковъ; подмною убиты три лошади.

Во время рубки лѣса, съ 5 января по 17 февраля 1852 г., былъ слѣдующій случай: въ одинъ вечеръ собрались ко мнѣ баталіонные командиры и офицеры пить чай. Среди этого является мой

знаменитый лазутчикъ Алибей. Когда онъ вошелъ, я привѣтствовалъ его на туземномъ языкѣ: «Марнудю» *). Отвѣтъ: «Марни Хильли» **). Мой вопросъ: «не хабаръ? Мотъ Али» ***).

Вдругъ вся честная компанія обратилась ко мнѣ съ просьбою, чтобы спрашиваемъ былъ лазутчикъ не мною, понимающимъ туземный языкъ, но чрезъ переводчика, потому что ихъ интересуютъ его вѣсти, которыя я-де могу отъ нихъ скрыть. Не подозрѣвая о чемъ Алибей пришелъ мнѣ сообщить, я приказалъ переводчику передавать на русскомъ языкѣ: «я пришелъ сказать тебѣ: Шамиль прислалъ изъ горъ стрѣлка, который въ 50 саженьяхъ, подкинувши яйцо къ верху, изъ винтовки пулею его разбиваетъ; ты завтра идешь рубить лѣсъ, имѣешь привычку постоянно выѣзжать на курганъ, противу оставленной нами за Мичукомъ батареей, вотъ въ ней будетъ сидѣть этотъ самый стрѣлокъ, и, какъ только ты выѣдешь на курганъ, онъ убьетъ тебя. Я счелъ нужнымъ предупредить объ этомъ, и посоветовать—не выѣзжать на тотъ курганъ.»

Поблагодаривъ моего Алибея, далъ ему бешкетъ и отпустилъ. Съ восходомъ солнца войска стояли въ ружьѣ. Я двинулъ ихъ къ Мичуку. Надо сказать, что о хабарѣ Алибея ужъ зналъ каждый солдатъ; мое положеніе было отвратительное: не ѣхать на курганъ—явно долженъ показать себя трусившимъ, а ѣхать и стать на курганѣ—быть убитому. Явилось какое-то во мнѣ хвастованіе: я рѣшился ѣхать на курганъ ****). Не дойдя саженьей съ 300, остановилъ колонну; съ пятью вѣстовыми поѣхалъ къ лобному мѣсту; подъ курганомъ остановилъ ихъ; взялъ у вѣстового мой штуцеръ; выѣхалъ на курганъ; сталъ лицомъ къ батарее. Не могу скрыть, что происходило со мной: то жаръ, то холодъ обдавалъ меня, а за спиной мириады мурашекъ ползали. Вотъ блеснула на брустверѣ винтовка. Послѣдовалъ выстрѣлъ. Пуля пролетѣла влѣво, не задѣвъ меня. Дымъ разошелся. Стрѣлокъ, увидѣвъ меня сидящаго на лошади, опустилсѣ въ батарею. Видѣвъ взмахъ руки—прибиваетъ зарядъ; вторично показалась вин-

*) Здравствуй.

**) Благодарю за здоровье.

***) Что новаго? Рассказывай.

****) Расстояние отъ кургана, чрезъ рѣку Мичукъ, къ батарее около 150 сажень.

товка; послѣдовалъ выстрѣлъ: пуля взяла вправо, пробила пальто. Ошеломленный невѣрностью выстрѣловъ стрѣлокъ вскокилъ на брустверъ и съ удивленіемъ смотрѣлъ на меня. Въ эту минуту я вынулъ изъ стремени лѣвую ногу и положилъ на гриву лошади; облокотившись лѣвой рукой на ногу, приложился къ штуцеру, сдѣлавъ выстрѣлъ, и мой соперникъ наваничъ полетѣлъ въ батарею: пуля попала въ лобъ, прошла на вылетъ. Войска, стоявшія безмолвно, грянули «ура», а чеченцы за рѣкой выскочили изъ за заваловъ, ломаннымъ русскимъ языкомъ, смѣшаннымъ съ своимъ, начали хлопать въ ладоши «яши (хорошо) Боклу! Молодецъ Боклу!»

Невѣрностью выстрѣловъ стрѣлка я обязанъ немирнымъ чеченцамъ: когда явился къ нимъ стрѣлокъ и началъ хвастаться, что онъ «Боклу *) убьетъ», то на это ему сказали слѣдующее: «О тебѣ мы слышали: ты на лету изъ винтовки пулею разбиваешь яйцо, а знаешь ли, тотъ, котораго хвастаешься убить, такой стрѣлокъ, мы сами видѣли,—на лету изъ винтовки убиваетъ муху! да къ тому-жъ должны тебѣ сказать: его пуля не беретъ, онъ знается съ шайтанами **). Знай, если ты промахнешься, онъ непременно убьетъ тебя».

— «Ну, хорошо, проговорилъ стрѣлокъ, я закачу мѣдную пулю; отъ нея не спасутъ его шайтаны!

Вотъ вся причина, отчего не были вѣрны выстрѣлы; у прицѣливавшагося въ меня, при разстроенныхъ нервахъ, зрачки глазъ расширялись и мѣткость у стрѣлка пропала.

29-го января 1853 г. князь Барятинскій съ войсками изъ Грозной пришелъ въ Куринскъ, и приступилъ къ рубкѣ лѣса на Хоби-Шавдонскихъ высотахъ, съ цѣлью построить укрѣпленіе. Съ 6-го по 17-е февраля лѣсъ на высотахъ и по склону къ Мичуку былъ вырубленъ. Необходимъ переходъ чрезъ Мичукъ; но берега ея, при впаденіи въ нее рѣки Ганзовки, съ обѣихъ сторонъ отвѣсisty сажень на восемь; по лѣвую сторону Шамилъ съ 40,000 скопичемъ, съ десятью орудіями, стоявшими надъ берегомъ въ батареяхъ, построенныхъ изъ фашинь. Открытый проходъ былъ невозможенъ потому, что потеря въ войскахъ

*) На чеченскомъ языкѣ—левъ.

**) Съ чертами.

могла быть на половину отряда, а успѣлъ сомнителенъ. Требовалось обходное скрытное движеніе.

16-го февраля Барятинскій, вечеромъ, призывалъ меня къ себѣ въ палатку и сказалъ: «дѣдъ*), переходъ чрезъ Мичуку открытый—вовлечетъ страшныя потери; ты знаешь всю мѣстность, не можешь-ли обойти во флангъ Шамилю?»

Я попросилъ у него отсрочки на два дня, чтобы чрезъ пластуновъ моего полка найти выше или ниже мѣсто, незанятое непріателемъ. Въ отвѣтъ сказано: «время нетерпитъ; въ эту же ночь узнать, а съ разсвѣтомъ ты, дѣдъ, окончательно долженъ идти!»

Возвратясь въ мою ставку, призывалъ я знаменитаго начальника команды пластуновъ, урядника Скопина (нынѣ есаулъ), приказавъ ему самъ-другъ осмотрѣть мѣстность верстахъ въ восьми выше по рѣкѣ, къ разсвѣту возвратиться и сказать: удобна-ль переправа, и не сторожатъ-ли тамъ чеченцы?

Скопинъ возвратился и сообщилъ: «переправа удовлетвори-тельна, стражи нѣтъ.»

Ту-жъ минуту я отправился къ Барятинскому, разбудилъ его и передалъ добрую вѣсть.

«А сколько тебѣ, дѣдъ, нужно войска?» спросилъ князь.

Я сказалъ: «позвольте мнѣ взять Куринскаго полка три баталіона, мой полкъ, дивизіонъ драгунъ, нижегородцевъ, сборный линейный казачій полкъ и восемь орудій».

— «Бери и иди съ Богомъ; надѣюсь на тебя, съумѣешь выполнить мое порученіе, я-жъ сейчасъ двинусь къ Мичуку, открою артилерійскій огонь и этимъ замаскирую твое движеніе.»

Выходя отъ кн. Барятинскаго, я попросилъ, что если я, сверхъ чаянія, буду непріателемъ открытъ и завяжется у меня съ нимъ дѣло, то не посылать мнѣ на выручку ни одного человѣка, потому что это будетъ напрасный трудъ, никакія вспомогательныя силы не спасутъ моего отряда, а только увеличатъ потерю.

Съ разсвѣтомъ густой туманъ покрылъ всю мѣстность, съ тѣмъ вмѣстѣ скрылъ мое движеніе. По сѣверному склону Кочколыковского хребта двинулся мой отрядъ; пройдя Куринское укрѣпленіе, круто повернулъ лѣвымъ плечомъ и чрезъ дремучіе

*) Такъ онъ всегда называлъ меня.

лѣса и овраги дошелъ до Мичука; переправился нѣтъмъ незамѣченный, и направился внизъ по Мичуку. Къ часу по полудни туманъ разошелся; Шамиль увидѣлъ меня подходящаго къ правому его флангу. Ошеломленный такимъ неожиданнымъ гостемъ, имамъ отступилъ отъ Мичука, и Барятинскій со всѣми своими силами, подъ моимъ прикрытіемъ, двинулся чрезъ рѣку. Потеря, вмѣсто нѣсколькихъ тысячъ, ограничилась десятию или пятнадцатию убитыхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ.

Кстати замѣчу. Командиръ кабардинскаго пѣхотнаго полка полковникъ баронъ Николай получилъ Георгія 4-й степени, за смѣлую (!) отвагу: первымъ опустился по веревкѣ въ Мичукъ о бою моей колонны. Вотъ ужъ подлинно гласить поговорка въ народѣ: не родился красивъ, а родился счастливъ.

А вотъ настоящій, заправскій примѣръ — не только отваги, но и полнѣйшаго самоотверженія: 25 февраля 1853 г., въ сильномъ бою при истребленіи ауловъ Денги-Юртъ и Али-Юртъ, бывши колоннымъ начальникомъ и распорядясь войсками, я не обратилъ вниманія на Шавдонку, топкій ручей; чрезъ него безъ моста переходъ — немыслимъ; широта его сажень семь. По лѣвой сторонѣ пни отъ срубленаго лѣса и колоды, изъ-подъ нихъ нѣсколько десятковъ винтовокъ направлены были въ меня. Мой знаменитый пластунъ Скопинъ, бывши позади увидалъ страшную для меня грозу; выскочилъ впередъ и остановился предо мной; послѣдовали выстрѣлы; пуля пронзила ему правое плечо; облитый кровью, Скопинъ съ лошади не упалъ, и повернувшись ко мнѣ, сказалъ: «ваше превосходительство, это готовилось для васъ, я-жъ изъ зависти принялъ на себя; надѣюсь, вы не будете за это ко мнѣ строги». Таковымъ случаемъ былъ пораженъ весь отрядъ.

Скопинъ имѣетъ три знака отличія св. Георгія.

Въ 1857 г. я былъ назначенъ походнымъ атаманомъ донскихъ полковъ, при кавказской арміи находившихся; въ концѣ 1859 года отчисленъ въ войско Донское, гдѣ, по выборамъ дворянства, въ 1861 году выбаллотированъ окружнымъ генераломъ второго военного округа.

Я. П. Баклановъ.

Примѣч. О многочисленныхъ подвигахъ Бакланова, во время его кавказской боевой жизни — ходятъ множество разсказовъ. Старые кавказскіе воины передаютъ ихъ съ особенною любовью. Изъ многихъ эпизодовъ, нами слышанныхъ,

мы позволяемъ себѣ привести изъ записной книжки одинъ,—въ которомъ особенно выпукло выдѣляется типическая черта кавказца-ветерана: именно его преданность долгу до полнѣйшаго самоотверженія. 19 декабря 1853 года, Баклановъ выступилъ изъ крѣпости Грозной съ колонною для рубки лѣса на ближнихъ высотахъ. Отсюда Яковъ Петровичъ услышалъ производившуюся въ десяти верстахъ, между рѣками Сунжой и Аргуномъ, на Чортугаевской переправѣ, сильную орудійную пальбу. Оставя пѣхоту продолжать работы, Баклановъ съ кавалерію, состоящую изъ 2500 человекъ полковъ казачьихъ, двухъ донскихъ, одного линейнаго и дивизіона дунайскаго войска, пошелъ черезъ лѣса въ полъ-карьеру; пройдя по лѣвой сторонѣ Аргуна верстъ шесть, отрядъ встрѣтилъ горцевъ: они шли, въ количествѣ до 4 т. всадниковъ, къ Аргуну отъ Сунжи. Произошелъ бой. Послѣ непродолжительнаго сопротивленія,—вся масса непріятелей была опрокинута и бросилась бѣжать, устилая землю трупами. Въ первый моментъ схватки, былъ сильно раненъ, пулею въ лѣвую ногу, старшій сынъ Бакланова—Николай Яковлевичъ. Когда сынъ палъ,—отецъ этого не видѣлъ: онъ былъ въ отдаленіи, во главѣ резерва, который шелъ вслѣдъ за бросившимися въ нѣмъ и въ шашки казаками, готовый ежеминутно поддержать удалцовъ. Вдругъ отецъ-Баклановъ наткнулся на командира донскаго полка—храбрѣйшаго изъ храбрыхъ—полковника (нынѣ генералъ-маіора) Ежова. Полковникъ стоялъ пѣшіи и плакалъ. Баклановъ съ укоромъ спросилъ: «Это что значить?»

— «Развѣ не видите въ крови вашего храбраго сына»,—отвѣчалъ Ежовъ. Старый воинъ не взглянувъ на сына, съ горячностью обратился къ полковнику Ежову. «Что-жъ, что палъ молодецъ казакъ—онъ былъ впереди, но мы-то, господинъ Ежовъ, по какому праву остались надъ однимъ раненымъ, бросивъ на произволъ судьбы вѣренныя вамъ восемьсотъ сыновъ вашего полка? На коня! Къ своимъ храбымъ сынамъ! Иначе изрублю въ куски!»

Ошеломленный Ежовъ вскочилъ на лошадь и, какъ стрѣла, помчался впередъ. Раненый молодой Баклановъ остался безъ чувствъ на мѣстѣ. Отцу было не до сына; генералъ опасался, что впереди, въ лѣсахъ, могли оказаться еще свѣжія силы горцевъ, которые ударятъ на разстроенныхъ скачкомъ казаковъ и побѣда смѣнится пораженіемъ. Съ цѣлью предотвратить такую случайность, генералъ Баклановъ пронесся съ резервомъ впередъ и не только имъ на минуту не остановился надъ сыномъ, но даже не считъ возможнымъ остаться при немъ казакъ.

Горцы были окончательно разбиты. На возвратномъ пути казаковъ, раненый былъ взятъ на устроенныя изъ пикъ носилки и доставленъ въ крѣпость Грозную. Отъ этой раны, молодой Баклановъ (нынѣ подполковникъ) пролежалъ почти годъ безъ движенія.

Съ 1845 г. по 1853-й г. за многочисленныя дѣла съ горцами, слава о которыхъ долго будетъ жить на Кавказѣ, Я. П. Баклановъ произведенъ въ подполковники, полковники и въ генералъ-маіоры; награжденъ золотою саблею, Владиміромъ 3-й степени, Анною 2-й степени, Георгіемъ 4-й степени и Станиславомъ 1-й степени. Ред.

